

Посольство Марины къ шаху Аббасу.

(Эпизодъ изъ исторіи смутнаго времени) ¹⁾.

Прекратившееся съ воцареніемъ юнаго государя Михаила Ѳедоровича Романова въ сердцѣ Руси волненіе нашло себѣ откликъ на отдаленныхъ окраинахъ, куда еще не успѣли дойти вѣсти о совершившемся въ Московскомъ государствѣ событіи. Особенно сильно проявилось оно въ разноплеменной Астрахани, гдѣ на просторѣ многоводной Волги издавна уживались безпокойные элементы русской голытьбы и вольницы, сходявшіеся туда со всѣхъ сторонъ Верховья и Низовья, для широкаго разгула и легкаго прокормленія, гнѣздившіяся постоянно въ жителяхъ порочныя склонности воспрянули еще больше, когда среди нихъ поселилась вдова перваго самозванца Марина Мнишекъ съ „губителемъ душъ христіанскихъ“, Иваномъ Заруцкимъ. Потерпѣвши полное пораженіе отъ московскихъ войскъ, внутри Россіи самозванная царица бѣжала сюда осенью 1613 года, въ надеждѣ, съ помощью своего возлюбленнаго и его сообщниковъ, возстановить здѣсь свою погранныю власть.

Завладѣвъ, благодаря пособничеству буйныхъ стрѣльцовъ и астраханскихъ жилецкихъ казаковъ, всѣми крѣпостными сооруженіями въ городѣ и оружіемъ и подчинивъ своему вліянію тамошняго воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина, — вновь созданный царскій совѣтникъ, „бояринъ“ Заруцкій сталъ разсылать по окружнымъ поселеніямъ—на Волгу, Терекъ, Яикъ—отъ лица Марины и ея сына обвѣстительныя грамоты, съ требованіемъ не только покорности ей, „царевичу“ и себѣ, но и

¹⁾ По документамъ Главн. Москов. Архива М-ва иностр. дѣлъ, кабардинскія № 1—5 и персидскія кор. 1 № 2 и корд. 4 № 2.

присылки „многихъ ратныхъ людей“, намѣреваясь весною, собравшись съ силами, идти на Самару, Казань и Москву, чтобы добиться признанія ихъ царственныхъ правъ. Онъ увѣренно обѣщалъ „вольнымъ“ казакамъ богатую добычу и такихъ наградъ и почестей, „какихъ они и не чаяли“.

Увы, напрасны были ожиданія! Ликъ совсѣмъ ничего не отвѣтилъ на „царицынъ“ призывъ. Волжскіе казаки, подъ вліяніемъ полученныхъ съ Дона и Москвы увѣщательныхъ грамотъ, разбились надвое и никакъ не могли окончательно рѣшить, что предпринять имъ. Только уже въ апрѣлѣ слѣдующаго 1614 года прибыло изъ нихъ въ Астрахань 560 человекъ. Но больше всего огорчилъ Заруцкаго Терекъ, на который была вся его надежда, ибо, кромѣ ротныхъ людей—стрѣльцовъ, вольныхъ казаковъ и черкесскихъ мурзъ и узденей, онъ надѣялся получить оттуда хлѣбные припасы, въ чемъ особенно ощущался у него недостатокъ.

По словамъ выходцевъ изъ мятежнаго полона, во время хозяйничанія Марины и Заруцкаго въ Астрахани, пудъ пшеницы дошелъ до 10 алтынъ; тогда какъ на Терекѣ его продавали по гривнѣ. Пищального зелья хотя было много, но не изъ чего было готовить ядра и пули. Едва съ трудомъ добывали на базарѣ за 4 алтына фунтъ свинца.

Подъ давленіемъ воеводы Петра Петр. Головина, терцы не только отказались подчиниться самозванной царицѣ и „цѣловали крестъ“ „прирожденному государю“ своему, но еще отправили въ Астрахань увѣщательныя грамоты къ стрѣльцамъ и казакамъ, чтобы они, „помня души свои и милость божію и милосердіе и жалованье государево“, отъ вора Заруцкаго и отъ „ворухи“ Маринки отстали и „царю бы доби́ли челомъ и вины свои принесли“.

Къ мятежному предводителю пристали только нагайскій князь Иштерекъ съ своими мурзами и улусами, Яранаслановскіе и Юртовскіе татары, да мѣстная вольница. И хотя этой разношерстной рати собралось у него до 5 тыс. человекъ, но добрая половина изъ числа 2 тыс. русскихъ жителей не сочувствовала замысламъ Марины.

Повидимому, и самъ Заруцкій да и лжецарица также сознавали, что рискованно пускаться въ дальній походъ съ такимъ малонадежнымъ и плоховооруженнымъ воинствомъ, жаждавшимъ только грабежей и широкаго разгула, не имѣя при томъ же ни казны денежной, ни припасовъ „вогненныхъ“, ни запасовъ продовольствія.

Они рѣшили обратиться за помощью къ Персидскому шаху Аббасу I, который не разъ, во время междоусобицы, присылалъ на Москву къ „цесарю Дмитрію“ свои дружескія грамоты. Въ отмѣнно ласковыхъ и льстивыхъ выраженіяхъ собственноручно писала Марина повелителю Востока о своемъ горестномъ положеніи, что лихіе московскіе люди мужа ее убили, а ее и сына ее лишили достоянія предковъ—царства російскаго. Грамотку свою она вручила преданному ей астраханцу Якову Глядкову, котораго снабдила еще тайнымъ наказомъ, какъ и что говорить шаху, дабы добиться его сочувствія.

Съ своей стороны „воръ Ивашка“ уполномочилъ казанца, сына боярскаго, Ивана Хохлова передать Аббасу, что онъ готовъ уступить ему Астрахань и всѣ ниже ея лежащія мѣстности до города Терка включительно, если послѣдній пришлетъ ему помощь войскомъ, деньгами и хлѣбомъ.

Насильно посланный Хохловъ согласился слѣдовать въ организуемомъ посольствѣ только потому, что его убѣдительно просилъ бывшій воевода астраханскій князь Хворостининъ свезти „потихоньку“ къ шаху грамоту и рассказать ему объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Астрахани и на Руси, чтобы Аббасъ „вору Заруцкому не вѣрилъ и помощи казною и ратными людьми не давалъ“.

Для большаго успѣха задуманнаго предпріятія Марина упростила жившаго въ Астрахани персидскаго купца Хузя-Муртазу сѣздить съ отправляемыми гонцами въ Тавризъ и убѣдить отъ себя „шахъаббасово“ величество заступиться за несправедливо лишенную трона бѣдную вдову. Купца привели „на коронѣ къ шерти“, что онъ вѣрно и неизмѣнно будетъ стараться въ ея пользу и въ пользу сына „царя Дмитрія Ивановича“. Въ качествѣ переводчика въ составъ посольства былъ включенъ только-что выпущенный Заруцкимъ изъ астраханской тюрьмы, аманатчикъ мурза Салтангуль, сынъ Тюменскаго князя Салтанея; а „для письменныхъ дѣлъ“, какъ быть должно, нарядили подъячаго Богдашку Накрачеева.

Въ сопровожденіи пяти астраханскихъ стрѣльцовъ, выступило посольство это „филиповымъ постомъ“ 1613 года на Дербентъ и Баку, гдѣ Хузя-Муртаза застрялъ, по его словамъ, для устройства нѣкоторыхъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Остальные послѣдовали дальше. Въ началѣ марта гонцы прибыли въ Гилянъ, гдѣ шахъ спѣшно формировалъ свои войска для похода въ Грузію, которую хотѣлъ наказать за то будто бы, что царь Теймуразъ Давыдовичъ передался на сторону турецкаго султана.

Конечно, онъ былъ хорошо освѣдомленъ и ранѣе прихода „воровскаго“ посольства о внутреннихъ въ Россіи неурядицахъ и объ истощеніи Московскаго государства мятежами и волненіями. Поэтому-то понимая, что, при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, Россія не можетъ оказать какой-либо помощи едино-вѣрной ей и находившейся подъ ея покровительствомъ Иверіи, онъ и предпринялъ на нее походъ, чтобы завладѣть обезсиленнымъ постоянными неурядицами государствомъ. Ему неизвѣстно было только то, что на тронѣ Московскихъ царей укрѣпился избранный народомъ государь, потому что извѣстительная о вступленіи Михаила Ѳедоровича на престолъ грамота не могла во-время достигъ его, вслѣдствіе астраханскаго возмущенія когда всѣ пути въ Персію были преграждены воровскими шайками Заруцкаго. Объ этомъ сообщилъ повелителю Ирана Иванъ Хохловъ при врученіи ему грамотъ отъ „вора Ивашки“ и князя Хворостинина. Однако, несмотря на это, Якушка Глядко-въ „со слезами билъ Аббасу челомъ“ и „лежалъ у ногъ“ его, чтобы онъ Марину пожаловалъ, далъ ратныхъ людей „ближней своей думы“ человекъ съ пятьсотъ, казны денежной и запасовъ хлѣбныхъ“.

— Да что жъ ты говоришь мнѣ объ этомъ словами?—возразилъ на его просьбу шахъ,—когда въ грамотахъ о томъ ничего не писано?

— Потому сказываю тебѣ,—оправдывался Яшка,—что такъ наказала мнѣ царица—вельми лихи на нее Московскіе недруги и боялась она, чтобы грамоту ту по дорогѣ не отбили у насъ ея вороги.

— А ежели ты, шахаббасово величество,—отъ лица Марины продолжалъ Якушка,—войскомъ намъ не поможешь и казны и хлѣба не отпустишь, то изъ Москвы рать придетъ вскорѣ и Астрахань осадятъ; тогда изъ Астрахани насъ не выпустятъ. А коли поможешь намъ, мы Астрахань тебѣ отдадимъ и, собрався, Москву возьмемъ и отъ литовскихъ людей ее очистимъ.

Рѣчь Глядкова пришлась шаху по сердцу. Разомъ заговорила въ немъ восточная алчность. Предложеніе было слишкомъ заманчиво, чтобы имъ не воспользоваться. Владѣльцу Кизылбашской земли ¹⁾ льстила пріятная перспектива овладѣнія подъ шумокъ, почти безъ боя, ближайшимъ къ его поселеніямъ богатымъ и торговымъ городомъ, хотя бы на зло своимъ

¹⁾ Кизылбашами называютъ Персію турки, потому что тамошніе жители красятъ свои головы; кизылъ—красный, баша—голова.

исконнымъ врагамъ султану турецкому и хану крымскому, которые со временъ царя грознаго имѣли попытки къ возвращенію древней татарской столицы.

Салтангуль-мурза сильно расхваливалъ аббасовымъ приближеннымъ ея благоустройство, устройство Терка и боевыя способности жившихъ тамъ русскихъ людей. По его словамъ, столица стояла „на острову“, а городъ каменный, людей въ ней тысячъ съ десять. „А въ дракѣ русскіе люди—бойцы и на полѣ дратся горазды; бой у нихъ волпяной. Только русскихъ людей у лѣсу будетъ сто человекъ, а противъ нихъ иноземцевъ пятьсотъ надобетъ“. „Терекъ городъ стоитъ у моря, промежъ водъ; около него рѣки зашли, и камыши и озера; а приходъ къ нему воинскимъ людямъ добре тяжелъ“. „И людей въ немъ многожъ... А по Теркѣ рѣкѣ и инымъ рѣчкамъ живутъ вольные многіе люди казаки“.

Говорилъ Салтангуль и про Марину, что она молода и „вельми хороша“, а сынъ ея „не великъ“.

Это извѣстіе еще больше возбудило въ шахѣ желаніе воспользоваться удобнымъ моментомъ... Заиграла въ немъ жгучая кровь восточная при разказахъ о прелестяхъ царицы. Въ этомъ случаѣ едва-ли не больше имѣло вліянія на его скорое рѣшеніе удовлетвореніе низменныхъ своихъ удовольствій, чѣмъ соображенія политическаго характера о расширеніи предѣловъ государства и народномъ благополучіи. Напрасно приближенные отговаривали его отказаться отъ безумной затѣи,—Аббасъ былъ непоколебимъ. Онъ издалъ повелѣніе—собрать съ Гилянскій провинціи 12 тыс. „тюменей“¹⁾, приказалъ готовить отборное войско и запасы хлѣбныя.

— Для чего ворами въ Астрахани казну давать?—говорили вельможи.—Коли Московское государство устроится и будетъ тамъ государь,—совѣтывали они ему,—тогда будетъ у тебя съ московскимъ царемъ и дружба, и братство, и любовь, и казною вспоможеніе... А нынѣ ворами казны посылать нечего зря!..

Но шахъ имѣлъ другой умыселъ. Войско, деньги и хлѣбъ онъ хотѣлъ отправить въ Астрахань съ своимъ кречетникомъ Полуханомъ, коему поручилъ захватить съ собою „многія питія“ для того, чтобы, по приѣздѣ туда, сначала роздать астраханцамъ жалованіе и хлѣбныя запасы, а потомъ, перепойвъ ихъ виномъ, перебить всѣхъ, городъ взять на его имя, Ма-

¹⁾ Тюмень, или туманъ стоилъ въ то время на наши деньги 6 руб.

рину прислать къ нему („которую онъ намѣревался оставить у себя для своей потѣхи“) и, поставя на Терекѣ городъ каменный, посадить въ немъ Заруцкаго съ сообщниками.

Изъ боязни, должно быть, чтобы гонецъ Хохловъ своими рассказами о состояніи Астрахани и дѣйствіяхъ Заруцкаго не возбудилъ въ приближенныхъ болѣе сильнаго протеста противъ его намѣреній, Аббасъ велѣлъ отправить Ивана вмѣстѣ съ подъячимъ Накрачевымъ и тремя стрѣльцами въ Мешедъ „за приставы“, а Яшку Глядкова и Салтангула взялъ съ собой на войну въ Грузію.

Когда, два мѣсяца спустя, раззоривши всю Иверскую землю, возвратился Аббасъ въ Казвинъ побѣдителемъ, туда прибылъ изъ Баку и Хузя-Муртаза. Повелитель Ирана сейчасъ же потребовалъ его къ себѣ, чтобы точнѣе разузнать отъ вѣрнаго своего слуги о заинтересовавшихъ его обстоятельствахъ.

— Ну, какова Марина? хороша ли? Былъ ты у ней?— забросалъ онъ его вопросами.

— Былъ, и она меня изъ своихъ рукъ угощала виномъ. Только я не пилъ; принялъ чарку и отдалъ своему человѣку Старъ ужъ я для вина!..

— А горячи у ней руки?

— Примѣтилъ довольно—руки горячи!..

— Чѣмъ же она подарила тебя?—не унимался шахъ.

— Дала для тебѣ двѣ склянки отмѣннаго вина!..

— Тащи скорѣе!..

Наливъ бокалъ принесенной жидкости, Аббасъ пилъ за здоровье вдовицы.

— О, теперь!.. молвилъ онъ, но не докончилъ предъ своимъ подчиненнымъ затаенной мысли...

Муртаза передалъ шаху просьбу самозванной царицы, что мужа ея, который назывался Дмитріемъ, на Москвѣ убили и Московскимъ государствомъ Москва завладѣла, а она, Марина, съ сыномъ и Заруцкимъ съѣхали для береженія въ Астрахань, и ему бы, шаху, за нихъ вступиться!..“

Въ концѣ мая, съ Якушкой Гляковымъ былъ командированъ крестникъ Пулунбекъ провѣдать, что „въ Астрахани дѣется“. Съ нимъ были посланы Маринѣ подарки „четыре бархаты черныхъ и четыре черныхъ камки да мелякъ черный же“. Заруцкому шахъ велѣлъ передать иноходца, саблю да „покровецъ конскій нарядный“.

Но въ Дербентѣ посланные получили извѣстіе, что Астрахань отъ мятежниковъ очищена прибывшимъ изъ г. Терка

стрѣleckимъ головою Васи́лемъ Хохловымъ съ терскими служилыми людьми и вольными казаками. Заруцкій и Марина бѣжали на Яикъ. Попытка шаха такимъ образомъ не увѣнчалась успѣхомъ!..

Чтобы обѣднить себя въ этихъ своихъ вазорныхъ дѣйствіяхъ передъ царемъ Русскимъ, Аббасъ въ томъ же 1614 году отправилъ въ Москву посольство во главѣ съ вышепоименованнымъ купцомъ Муртазой, которому было наказано говорить тамъ, что Астраханью шахъ завладѣть не желалъ, хотя де и предлагали ему ее воры, и войсками имъ не помогаль, а только снабжалъ голодныхъ жителей сорочинскимъ пшеномъ...

П. Юдинъ.

